

На Запад ты едешь расти вместе со страной. На Запад ты едешь доживать свой век. Или просто едешь на Запад.

Роберт Пенн Уоррен «Вся королевская рать»

ПРОДОЛЖЕНИЕ

В конце прошлого года, наконец-то, закончилась эпопея изготовления моего сумбурного отчёта о прошлых событиях жизни. Закончилась в том смысле, что описываемое в сочинениях время вплотную приблизилось к реально проходящему, и все мало-мальски заметные события окружавшей меня жизни оказались как-то зафиксированными на бумаге. За два с небольшим года к друзьям, знакомым и до этого не знакомым людям попало некоторое количество отпечатков трёх небольших книжек и нескольких отдельных очерков, которые выполняют роль своеобразного эскорта по отношению к основным текстам.

Откровенно говоря, я не заметил самого момента окончания мемуарной кампании,

так как она плавно перешла в хлопоты с печатанием небольшого тиража последней книжки, переписку с друзьями и знакомыми при её рассылке и всяческие разговоры (очные и заочные) по всем перечисленным поводам. Но, будучи крайне недальновидным и легкомысленным человеком, в ходе этих мероприятий я позволил себе несколько заявлений в том духе, что всё мол, ребята, с этим делом (писаниной) кончаю. Как я понимаю, в основе этих заявлений было не только испытываемое любым работником чувство облегчения после завершения непростого дела, но и постоянно занимающие меня размышления о настоящей литературе. А граница между ней и всеми другими формами описания человеческой жизни лежит где-то на

переходе от образов конкретных людей к таким нетленным составляющим человеческой жизни, как, например, Наташа Ростова или старый князь Болконский. Сам же я давно понял, что органически не способен оторваться от реальной действительности, и все мои попытки совершить такой подвиг будут так же похожи на полёт, как шумные разбеги дворового петуха, никогда не кончающиеся отрывом от земли. Этот уже давно не наблюдаемый в реальности петух постоянно отрезвлял мои внутренние самооценки, сознаюсь — не без горького привкуса.

Однако самые мои внимательные корреспонденты — Коля Загускин и Иван Борисович Погожев — отреагировали на заявления об окончании возни с сочинениями более чем скептически, расценив их как обычную составляющую любого пьянства: ведь наутро после попойки многие дают себе благие обещания и зароки.

Со своей стороны, не стану говорить, что я слишком часто предавался размышлениям о своих «творческих планах», мне и без этих

планов хватает дела. В частности, две незаконченные работы по моделированию военных систем и социально-экономической жизни постоянно терзают остатки так называемого чувства долга. Долг — долгом, но и с появившейся привычкой строить с помощью компьютера зарисовки разных явлений нужно было что-то делать.

Как это часто случается, само течение окружающей жизни даёт нам ответы на любые сложные вопросы бытия — течение это просто подхватывает растерявшихся героев и несёт их (как щепки в паводок) в нужном направлении. Для меня таким внешним воспитательным событием оказалась обычная в прошлом поездка в Москву для перегона купленного приятелем автомобиля в наши отдалённые от столицы места. Я обожаю такие авантюры, так как, кроме достижения разных альтруистических целей, получаю возможность задарма удовлетворять свою маниакальную страсть к виду отечественных пейзажей, которые набегает со всех сторон на ветровое стекло машины.

Наверное, в этом месте рассказа нужно кончать общие рассуждения и переходить к конкретным деталям. Я давно заметил, что это дело получается у меня всё-таки лучше первого из упомянутых.

Итак, о машине. Нет, всё-таки начать следует с приятеля.

Лет двадцать тому назад молодому и подающему всяческие надежды кандидату наук тесть – мэр Нижнего Тагила – помог приобрести изделие Волжского автозавода. В качестве знатока автомобильной жизни пропустить такое событие я не мог и вместе со своим младшим товарищем проделал путешествие со среднего Урала к нам в Сибирь по северному Казахстану, на более прямых маршрутах доступных для легковушки дорог тогда не было. Хотя в те времена возрастная разница в 16 лет и авторитет воинского звания (коллега – сын морского офицера) воспринимались нами более значительными, давняя поездка оставила у меня очень хорошие впечатления. Несмотря на дважды развалившиеся амортизаторы (на новом авто-

мобиле), мой товарищ, в дополнение к ранее наблюдаемым качествам выдержки и доброжелательного отношения к людям, продемонстрировал и другие положительные свойства, которые необходимы для совместного автомобильного бродяжничества. Этот вывод мы впоследствии проверяли в нескольких совместных путешествиях, по моему, всегда с приятным для всех участников результатом.

Ну вот, я принялся описывать приятеля, даже не упомянув его имени. Чтобы не смущать рядом находящегося героя, давайте для краткости будем использовать его инициалы – В.Л., это сократит расход бумаги и впоследствии не потребует усилий при подборе падежных согласований...

Доперестроечное, перестроечное и вообще чёрт-те какое время шло своим чередом, уже не я давал советы и оказывал кое-какую помощь молодому учёному, а всё больше сам пользовался его подсказками и поддержкой в разных делах. Преуспевающий профессор, доктор наук и так далее больше не пускался

в плебейские автомобильные поездки, отдавая предпочтение иноземным курортам, которые стали доступными в последнее время для людей с соответствующим достатком. Впрочем, и я, не посещая экзотических курортов, ни в какие дальние путешествия по распавшейся на отдельные части стране уже не рискую пускаться. Поэтому когда возникла необходимость перегона вновь приобретённого автомобиля В.Л. из Москвы, предложение поучаствовать в таком интересном деле было принято мною только с положительными эмоциями.

Сам же этот автомобиль заслуживает отдельного рассмотрения, так как выступает концентратом целого набора различных проблем, которые, правда, могут показаться скучными и неинтересными людям без «технической жилки». Но такие люди спокойно могут пропустить это место рассказа, а я примусь за свои любимые параметры и технические подробности.

Дело в том, что покупку В.Л. организовал не кто иной, как мой сын — автомобильный

инженер по образованию, ставший бельгийским жителем и всё бóльшим поклонником европейского технического гения. Поскольку в наших краях среди иномарок доминируют японские изделия с правым расположением руля, я пытался оппонировать потомку и даже затащил В.Л. на местный автомобильный рынок, где без лишних хлопот с перегоном и таможней за вполне приемлемую сумму можно приобрести приличную машину с любыми «накрутками». Но мои доводы, даже подкреплённые наглядной демонстрацией, почему-то произвели на В.Л. меньшее впечатление, чем речи сына по заграничному телефону, и в результате для профессора был приобретён немецкий автомобиль «Ауди-80» сине-стального цвета. Затем машину погрузили в Гамбурге на теплоход, доставили в Ригу и с помощью специально натренированных для этого дела москвичей перегнали в Москву. Наша задача состояла в доставке «фрау» (так я сразу мысленно назвал ещё ни разу не виденное

транспортное средство) из столицы в Новосибирск.

Чтобы покончить с «чисто» автомобильными подробностями, следует признаться, что в заочном теоретическом споре с сыном я потерпел позорное поражение. Добротное немецкое изделие с оцинкованным кузовом и коэффициентом аэродинамического сопротивления 0.29 (это очень высокий показатель) действительно давало сто очков вперёд любой «японке» такого же класса, в чём мы сразу убедились за время перегона. Прекрасно сконструированный и продуманный во всех главных и второстепенных деталях автомобиль не только без всяких технических сложностей домчал нас по отечественным дорогам через пол-России, но даже не задерживал на своей поверхности лишней дорожной грязи – всё из-за уже отмеченной прекрасной обтекаемости. Но здесь я, как всегда, забегаю вперёд, ведь нужно сначала рассказать, как мы добрались до Москвы и описать встречу с нашей покупкой, а уж потом приниматься за рассказ о самой поездке.

Для меня – то есть человека, ни разу не выезжавшего за последние четыре года в столицу, воздушное путешествие на широкофюзеляжном «Дугласе» («DC-10-30») компании «Трансаэро» иначе как сплошным удовольствием назвать невозможно. Полу-пустой чистый и сверкающий всякими витринами аэровокзал, отдельный зал ожидания, множество блюд и напитков, подаваемых в полёте, наушники с музыкой и соблазнительные красавицы на изношенном проекторе – всего мне просто не перечислить. Вдобавок снег, ещё лежавший на крыльях самолёта в Новосибирске, сдуло при взлёте, а в Москве нас ожидала двадцатиградусная теплынь и повсюду вылезающая молодая зелень. На фоне этой зелени облезлый Брыскин в тёплой куртке смотрелся несколько непредставительно, но это продолжалось только до поселения в гостиницу. Ни в чём не повинной куртке за дефиле в весенней московской толпе впоследствии был вынесен несправедливый

смертный приговор, но здесь я опережаю текущие события.

А пока мы с В.Л., который в качестве частного посетителя знал в Москве все ходы и выходы, на микроавтобусе добрались до метро и нырнули в спасительное прохладное подземелье.

Чтобы все подробности происходящих событий не оказались скрытыми от читателя, заметим, что описываемая поездка в столицу происходила во время больших майских праздников, конкретно, — начиная с 4-го мая. Это я к тому, что народу на московских улицах и в метро было мало, и никто пальцем на меня в куртке не показывал. А, может быть, и вовсе не обращал никакого внимания.

Уже в самом начале сложного путешествия нам с В.Л. была предоставлена возможность оценить некоторые следствия имеющейся разницы в возрасте, как я понимаю, для более трезвого планирования последующих совместных действий.

Дело в том, что при пешеходном движении с относительно молодым профессором в по-

следнее время я всегда вынужден просить его об уменьшении темпа ходьбы: оседлавшая меня ишемическая болезнь — не подарок, и я уже не могу скакать вровень с остальными людьми, как это было раньше. Но, завидев на станции метро стоящий поезд, я оказался неспособным противиться давним инстинктам городского жителя и рывком сиганул со своими сумками в вагон. Двери захлопнулись, и мой учёный коллега остался снаружи решать нематематическую задачу о встрече. Сквозь толстое оконное стекло я пытался донести до приятеля слово «кольцо», но не догадался изобразить его пальцами, да и руки мои были заняты поклажей. Впоследствии выяснилось, что наши представления о схеме московского метрополитена существенно различаются. У меня они почему-то остались на уровне середины сороковых годов, а В.Л., естественно, хорошо помнил и о множестве станций, построенных в историческом центре города. Соответственно различались и наши планы о месте пересадки при поездке в гостиницу. В результате

зультате выражение лица у профессора, когда я встречал его на старом «кольце», было не совсем благодушным, и впредь он не слишком отвлекался, передвигаясь со мной по городу...

Чтобы хоть как-то оправдать доступный мне нудный способ описания событий, хочу попросить читателя не слишком ругать незадачливого автора. На самом деле, когда присматриваешься к разным жизненным деталям и вроде несущественным подробностям, можно узнать много больше, чем в результате некоторых громогласных и красивых заявлений.

Итак, мы оказались во вполне приличной академической гостинице, я сбросил надоевшую тёплую одежду и даже облачился в современный клетчатый балахон навыпуск. По заверению В.Л., в таком виде я вполне мог сойти за московского жителя.

В этом месте рассказа, в некотором противоречии с приведённой выше ремаркой, на

время бросим мелкие детали и вспомним о более существенных обстоятельствах описываемого путешествия в столицу. Дело в том, что, отправляясь вместе с В.Л. в Москву, я выговорил в виде своеобразной «платы» обязательное условие помочь мне повидаться с обитающими в Подмоскovie дорожными людьми. Чтобы не представлять их на скорую руку, сошлюсь на мало знакомую широкой публике последнюю часть записок под названием «И ещё одна треть века», с упоминания их начинается этот рассказ. Но ведь и данное сочинение предназначено всё для того же замкнутого круга читателей.

Я уселся к телефону и принялся названивать в прошлое.

Первым, как я и рассчитывал, откликнулся Леонид Иванович Сенницкий — мой старший товарищ по службе в новосибирской Секции прикладных проблем. До самого отъезда из Сибири я не был уверен в реальности встречи и по этой причине не предупреждал о ней своего «морского дядьку». Доклад мой о прибытии в Москву и запрос разрешения на

посещение были, конечно, приняты одоб- рительно, а некоторые необычные оттенки разговора я отнёс на счёт его неожиданно- сти. Вдобавок, я сейчас плоховато слышу и не способен порой даже узнавать самих кор- респондентов по голосу в телефонной труб- ке, не то что различать более сложные со- ставляющие их речи.

Подхватив сумку с фотоаппаратом и доку- ментами, я отправился на Ярославский во- кзал. Электрички до Фрязино, где обитает Леонид Иванович, ходят с интервалами примерно в час, и сама поездка занимает чуть больше часа. Все потраченное на эту поездку время я пребывал в радостном ожи- дании встречи (мы не виделись четыре го- да), «температура» внутри меня поднима- лась, уж не знаю, в какой зависимости от ос- тавшегося до Фрязино расстояния. Конечно, частью сознания я продолжал наблюдать за окружающим миром: непривычными мос- ковскими и подмосковными людьми, всё растущими вокруг столицы горами мусора и

грязи, коттеджами «новых русских» и так далее.

Железнодорожный путь во Фрязино конча- ется откровенным тупиком. Я вышел из ва- гона и последовал за основной массой дру- гих пассажиров, которая двигалась к нужной мне Полевой улице, там сосредоточены наи- более населённые дома подмосковного го- родка. Уже помянутая «температура» во мне, естественно, приближалась к критиче- ской отметке. Но когда мы повстречались с Леонидом Ивановичем в дверях, никакого лирического «всплёска» или каких-то лобы- заний не было: не такой человек мой настав- ник, чтобы допускать лишнее даже в данных обстоятельствах.

Мы определились с отпущенным на свидан- ие временем, и начался тот внешне непри- язнительный разговор (вроде бы ни о чём, так как мы регулярно обмениваемся пись- мами), который для меня и означает прикос- новение к богине Земли Гее. Такое возвы- шенное толкование происходящих событий в реальности совмещалось с совсем обыден-

ным — мы переместились на кухню, где Леонид Иванович одновременно с разговором принялся готовить еду. В связи с этим в самом начале беседы я достаточно неосторожно спросил о местонахождении других обитателей квартиры. В ответ мне без особой перемены интонаций было сказано, что жена — Лидия Захаровна — два года тому назад умерла от рака лёгких. И сообщены некоторые медицинские подробности, как всё это происходило.

Не стану я в этом месте рассказа пыжиться и пытаться подбирать какие-то слова для характеристики своего товарища, всё равно до толстовского придорожного репейника мне не допрыгнуть. А в ходе памятной встречи у меня, вроде бы, хватило внутренних сил, чтобы никак не показать пожилому человеку ничего, похожего на жалость. Мне кажется, что поколение участников Войны чем-чем, но даже признаками любого подобного чувства не должно быть унижено.

Попутно выяснилось, что на фрязинской квартире я застал Леонида Ивановича слу-

чайно, он в основном обитает у представителей младшего поколения в Звёздном городке. Предыдущая ночь (до четырёх часов утра) была занята сочинением письма ко мне, три больших листа уже были заполнены аккуратным почерком с обеих сторон, а четвёртый находился в работе. Посовещавшись, мы решили продолжить несостоявшийся почтовый обмен простым разговором, я вооружился очками и принялся входить в курс такого комбинированного общения. Хотя буквы неоконченного письма малость прыгали у меня перед глазами, перерыв в беседах был кстати: не только Леонид Иванович удивился совпадениям при нашей встрече, но и мне, согласитесь, было чего «переваривать».

Так толком не вникнув во все подробности письменного послания, я, с согласия автора, убрал его в сумку, и разговоры наши пошли своим естественным чередом. Вряд ли я способен спустя несколько недель детально воспроизвести содержание этих разговоров. Опять же, никому в голову не приходят

мысли о химических формулах, когда человек просто утоляет жажду настоящей колодезной водой.

Запомнилось только, что уже за столом во время нашего обеда или ужина, пытаюсь что-то сказать в виде тоста, я просто начал вслух вспоминать один случай из немногочисленных рассказов Леонида Ивановича на подобные темы.

...Зимой 1942 года, во время боёв на Демьянском выступе (там было непонятно, кто кого окружил, наши или немцы) молодой лейтенант морской пехоты Лёня Сенницкий в одиночку шёл ясным солнечным днём по какому-то делу в ближнем тылу на открытом снежном поле. И когда над ним пролетал на небольшой высоте двухмоторный немецкий самолёт, не особенно рассуждая, выпустил по нему автоматную очередь. Действие бессмысленное – тогдашний ППШ с его незначительной убойной силой вряд ли мог повредить воздушную машину. Но немец стрельбу заметил и несколько раз

заходил на хорошо видимого стрелка, пытаясь «достать» его пулемётными очередями...

Никак не могу объяснить, почему так запомнился этот совсем негероический эпизод, но я как живого видел перед собой лихого парня в белом полушубке, вооружённого, кроме злополучного автомата, ещё финкой и наганом, поневоле мысленно сравнивал его с сидевшим рядом восьмидесятилетним человеком. Что-то во мне во время этой работы испортилось совершенно, и несколько минут я не мог ни говорить, ни просто посмотреть на своего товарища. Он понял меня, дал возможность восстановить равновесие, и беседа наша принялась петлять по многочисленным темам давнего и нынешнего бытия.

Оказалось, что «Волга» с оленем на капоте, которая двадцать восемь лет тому назад увезла Леонида Ивановича из Сибири, на прошлой неделе отправилась в обратное путешествие – её купили новосибирские му-

жики, прослышав о необычном предложении. За прошедшие тридцать лет машина не утратила своего начального внешнего вида и степени технической готовности, чем изрядно удивила милиционеров, которые оформляли смену владельца. Новым хозяевам достался также огромный запас разнообразных запчастей (включая новую коробку передач) и эксплуатационных материалов, их должно было хватить на оставшиеся десятилетия до полувекового юбилея. Для меня с постоянной привычкой очеловечивать разные предметы (особенно – снабжённые мотором) об этом «круге» по России подумалось нечто большее, чем просто рецидив долголетия топорно и с большим избытком прочности сделанного автомобиля.

Ещё немного о разных машинах. В морской пехоте Леонид Иванович был командиром пулемётного взвода. На вооружении этого подразделения состояло четыре «Максима», а потом к ним добавили ещё два «Дегтяря». Я спросил старого солдата, смог бы он сейчас разобрать пулемёт. И в ответ мне было

сказано, что не только разобрать и собрать, но и убить из него немало людей. И хотя слово *убить* никак не было выделено среди остальных, на меня оно произвело соответствующее впечатление.

Леонид Иванович рассказал, что из числа его одногодков по фрязинской жизни и работе в «электронном» институте почти никого не осталось. Правда, один «настоящий» ветеран (израненный и дошедший до Берлина) ходит с ним на пешие прогулки, без них, по уверениям врачей, сразу наступит мышечная атрофия. Но старик иногда теряет сознание и рискует стать жертвой «гуманного» отношения наших прохожих к упавшему человеку. Так что более крепкий Леонид Иванович подстраховывает своего товарища. Во время этого рассказа я отметил (внутри), что получивший свою «порцию» немецкого свинца под Москвой и в Сталинграде человек не считает себя «настоящим» ветераном только потому, что в конце войны его забрали оператором в Генеральный штаб.

Конечно, темы наших разговоров, так или иначе, возвращались к нынешнему состоянию страны и размышлениям о её будущем. Когда заговорили об озверении и потере стыда и совести многих нынешних людей, Леонид Иванович рассказал, как их бригаду морской пехоты в декабре 1941-го срочно перебрасывали к фронту. Несколько дней люди шли лесом, проваливаясь по пояс в сугробах. А среди бойцов были и женщины. Отойти по нужде в таких условиях далеко от протоптанной «колеи» просто не было сил. И никто из молодых мужиков даже не подумал посмотреть в «опасную» сторону, не то чтобы сказать какое-то «вольное» слово...

В этом месте беседы наступил черёд «сбоя» и у моего более крепкого учителя. Мы оба помолчали, чтобы достойно пропустить святое мгновение того высокого единения разных людей, которое не нуждается в словах, да и не может быть прокомментировано никакими словами, ни сказанными, ни записанными на бумаге.

А когда ко мне вернулась способность анализировать происходящее, невольно отметил в сознании, что давно прошедшая Война была и остаётся отправной точкой всего сущего в мире спасителей нашего Отечества. И не только в их мире.

Раз уж я сошёл на рельсы схематического описания наших разговоров (они так или иначе продолжали темы переписки), попробую выделить главное, что занимает в таких разговорах (да, наверное, не только в них) людей старшего поколения. Чтобы не повторять в этих определениях вечных российских вопросов «кто виноват?» и «что делать?», употребим более мягкое — «почему не получилось?» Во всех уголках страны разные люди на разные лады продолжают обсуждать подобные вопросы перед лицом вопиющего несоответствия нашей действительности тем благим намерениям, во имя которых, хочешь — не хочешь, они «положили» свою жизнь.

Я давно разуверился и в собственных возможностях давать ответы на эти вопросы, и

— вообще — в самом существовании соответствующих исчерпывающих ответов. Вот и теперь, после очередного гипотетического предложения Леонида Ивановича, я просто говорил ему, что это уже проделал Дэн Сяопин, а это — Тито. После упоминания о Тито, мы оба представили себе кошмарную югославскую резню, в которой братья-славяне, вроде бы ни с того, ни с чего уничтожают друг друга, и наш «возвышенный» политический разговор начал на глазах испускать последние пары...

Пока в тексте рассказа происходит витанье в теоретических облаках, на грешной земле уже подходит к концу отпущенное на свидание время да и сам солнечный майский день, и мы с Леонидом Ивановичем неспешным шагом движемся от Полевой улицы к уже описанному железнодорожному тупику. Поездов в нём нет, и платформа пустует. Мы просим какого-то парня сфотографировать нас на фоне расположенного рядом пруда.

Разговор напоследок начинает «скакать» по самым неожиданным и мало связанным между собой темам, пока автоматическая дверь подошедшей электрички не закрывается и разделяет нас.

Платформа, совсем как в любимых моих стихах Твардовского, плавно отъезжает назад, и опять мы оказываемся с моим «морским дядькой» в разных частях страны...

В Москву я вернулся уже вечером, посетил сестру с племянницей, а наутро отправился в центр города для осмотра произошедших там перемен. За четыре года, минувших после предыдущей поездки в столицу, объектов такого осмотра образовалось предостаточно. День был не слишком ясный, но без дождя, так что планы мои пока не встречали излишнего внешнего сопротивления.

В Александровском саду и на Манеже шло возложение ветеранами венков к Вечному огню и памятнику Жукову. Играл парадный кремлёвский оркестр, немногочисленные сторонние зеваки, и я в их числе, были отделены от места события специальными оградами и небольшим нарядом скучающих милиционеров. Церемония не заняла много времени, но подойти поближе к бронзовому полководцу мне так и не удалось. В памяти осталась решительная серая скульптура, несколько подпорченная голубями, видно техника борьбы с последствиями их обитания

была не отработана даже в канун праздничных дней.

Потом я нырнул в метро, чтобы разглядеть Главный Собор и скандальное творение Зураба Церетели на Москве-реке. Огромная скульптурная композиция не вызвала у меня отрицательных эмоций, вполне возможно — из-за несовершенства эстетических представлений и равнодушия к «морской» тематике сооружения.

После непривычных московских километров ноги не слишком слушались меня, я отправился в гостиницу, отдохнул и привёл себя в порядок. По моим представлениям, европейская машина не должна была увидеть своих новых наездников в помятом виде, ведь все женщины придают большое значение первым впечатлениям.

Как было условлено, вскоре в гостиницу пришёл и В.Л. В качестве тренировки к будущей походной жизни мы съели самостоятельно приготовленный обед, закупили в ближайшем гастрономе продукты на дорогу, а по возвращении к гостинице я сразу уви-

дел «нашу» машину с латвийскими транзитными номерами. Увы, и на седьмом десятке лет я не поумнел и не потерял способности влюбляться с первого взгляда в неодушевлённые предметы. Машина мне очень понравилась. Вежливый молодой человек из числа перегонщиков провёл краткую процедуру передачи с объяснениями устройства автомобиля, обращался он с нами как с очень плохо соображающими идиотами.

В продолжение этой «лекции», В.Л. договорился о поездке завтра с опытным водителем по московским автомобильным магазинам для закупки масел и принадлежностей, которые необходимы при эксплуатации заграничной машины. Остаток дня мы провели в беседах с приехавшим московским коллегой и по телефону согласовали свои очередные подмосковные визиты, для них была оставлена вторая половина следующего дня. Стоящую возле гостиницы машину ночью стерегли за особую плату служители, по внешнему виду похожие, как

минимум, на докторов наук. Наверное, именно этим объяснялась непомерно высокая такса за их пустяковые услуги. Столица.

На следующий день мы строго по плану опустошали кошелёк В.Л. в блестящих московских автомобильных магазинах. В полдень наш провожатый распрощался с нами на кольцевой дороге возле своего дома, и мы начали автономное движение.

Первая часть его маршрута вела в направлении подмосковного академического городка Протвино, где проживает Иван Борисович Погожев — ещё один наш коллега по работе в новосибирском Институте математики, а также персонаж записок «И ещё одна треть века».

На сей раз я не смогу сообщить читателю об эмоциях, предшествующих встрече с дорогим человеком, так как нужно было освоиться с доверенной мне машиной и не надеяться с непривычки глупостей на подмосковных дорогах. Но всё шло хорошо: мы в нужном месте съехали на пустынное симферопольское шоссе и помчались на юг. Хвалить

нашу машину я больше не стану, этому выше и так посвящено достаточное количество слов. Даже останавливающие нас сотрудники ГАИ (они у нас не любят пропускать беспрепятственно машины с иностранными номерами) не причинили нам никакого вреда, а только вступали в дискуссию с В.Л. относительно разумности его покупки. Как я понял, все они были знатоками этой сферы жизни.

Сын Ивана Борисовича – Петя – накануне по телефону подробно объяснил мне дорогу в Протвино, и, поплутав в меру на въезде, мы примерно в два часа дня поставили машину возле указанного в адресе дома, конечно, расположенного на улице Ленина. В академическом городке (его основа – знаменитый Серпуховской кольцевой ускоритель элементарных частиц) было тихо, вежливые жители охотно поясняли нам, как добраться до нужного места. Настало время отключаться от современной автомобильной действительности и приготовиться к встрече с

миром подобия живых процессов и его автором.

Чтобы предыдущее предложение не показалось читателю бредом не совсем нормального человека, ему (читателю) придётся заново посмотреть мои прошлые заметки об Иване Борисовиче, там я даже осмелился именовать его одним из своих кумиров в научном мире...

А сейчас, в мае 1998 года, в дверях спокойной «интеллигентной» квартиры меня встречали, казалось бы, совсем не постаревший семидесятипятилетний человек с живыми глазами и его милая жена Айна Петровна. Однако палка Ивана Борисовича, о которой мне уже рассказывали предыдущие посетители Протвино, стояла у двери. Бывший дворовый кот с наполовину отрубленным хвостом тоже признал меня и спокойно устроился на руках у посетителя. Я давно заметил, что при общении с любимыми животными легче обретаю равновесие и про-

никаюсь кошачьим философским отношением к окружающему миру.

Здесь, наверное, следует объяснить, почему прилагательное *интеллигентный* оказалось в моём сочинении приставленным к такому неодушевлённому предмету, как жилище. Конечно, в оправдание я мог бы назвать отсутствие излишних и неиспользуемых вещей, культ книги, порядок, спокойствие и тишину. Но это всё будет перечислением только внешних признаков характеризуемого объекта. Наверное, по примеру английского суда, мне лучше использовать в этом деле принцип рецидива или сравнения с прошлыми наблюдениями.

Первым домом такого рода, который как магнит притягивал меня в детстве, была квартира моих учителей Александра Павловича и Софьи Адамовны Архангельских. В ней витал неповторимый дух преклонения перед знаниями, интереса к внутреннему миру и уважения к любому человеку (независимо от его возраста и звания) и многого другого из этого же списка, что любой чита-

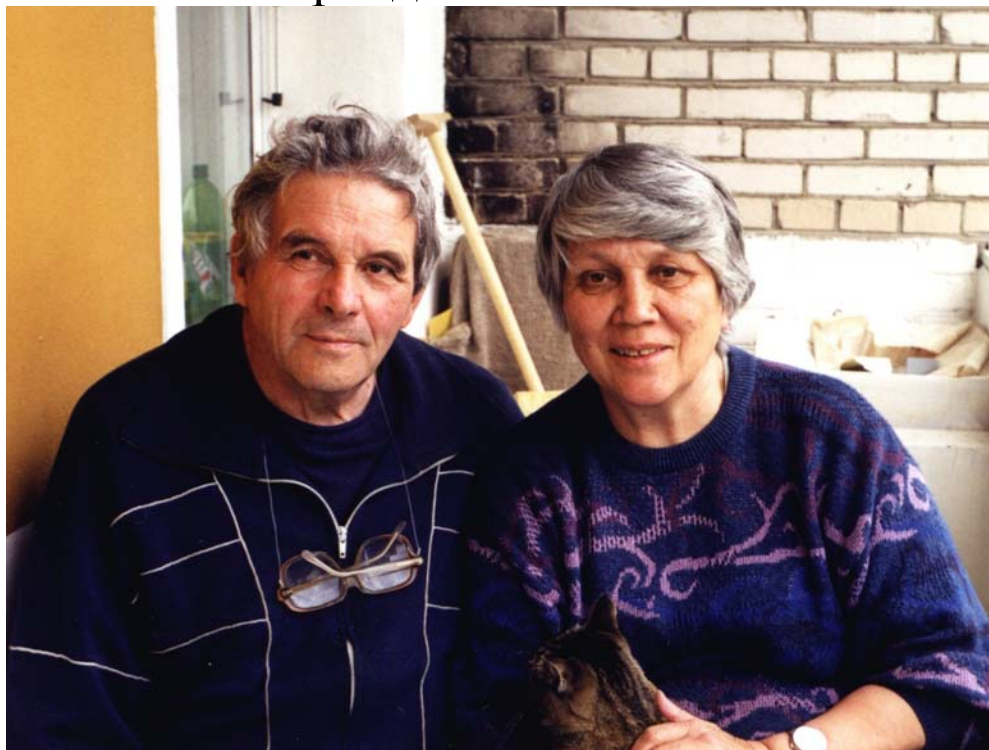
тель добавит к нему самостоятельно, опираясь на собственный опыт: ведь не всем же посчастливилось жить в большом подмосковном селе Рахманово в военное и послевоенное время.

А я скажу только о Книгах. Они не блистали стройными нетронутыми рядами и красивыми обложками. Но все вместе составляли прекрасную тайну бескрайней глубины познания окружающего мира и будущих открытий в этом мире...

Вот в такой дом и попали мы с В.Л. во время суетной своей поездки. Несмотря на скоротечный характер нашего визита, мне и, помоему, В.Л. стало хотя бы на это время спокойно и хорошо, как будто это был и наш дом. А ведь хозяйка его совсем недавно перенесла нешуточный приступ болезни.

Конечно, никакого упорядоченного разговора в такой обстановке не получилось. Вперемежку В.Л. рассказывал Ивану Борисовичу об институтских делах, я говорил по телефону с незнакомой читательницей о своих опусах, Айна Петровна готовила

обед, и мы успели сфотографировать хозяев на большой веранде.

Но всё же Иван Борисович успел рассказать кое-что о приятном строе жизни в Протвино, и эти рассказы гармонировали с тишиной и спокойствием, которые мы наблюдали при движении к дому Погожевых.

В окрестностях Протвино на деньги крупных бандитов, которые, по примеру своих западных коллег, начали вспоминать о филантропии, восстанавливается монастырь. При нём одиночки-энтузиасты устроили

христианскую гимназию. По словам Ивана Борисовича, ребяташки в числе 15 человек не выглядят подавленными религиозными премудростями и оказались более заинтересованными и благодарными слушателями рассказов о подобию живых процессов, нежели некоторые научные работники.

Уж не знаю, могу ли я здесь хвастаться оценками своей предыдущей писанины, но удержаться уж больно тяжело. Поэтому не стану скрывать радости от сообщения, что Елене Сергеевне Вентцель понравились мои рассказы о жизни в Академгородке. Заодно я узнал, как живётся моей «научной богине» в нынешнее время.

Во время шикарного домашнего обеда В.Л. принимал за меня ритуальные дозы спиртного. А разговоры, которые в такой обстановке заменяют нам громкие кавказские тосты, закономерно напоминали гостям, что всё в этом мире кончается. Наверное, мне — уж совершенно трезвому — это обстоятельство казалось более грустным, чем другим участникам застолья.

Напоследок я, как неразумный ребёнок, начал переустанавливать на «лаптопе» (в дословном русском переводе – «наколенный компьютер») Ивана Борисовича операционную систему, но потом все согласились, что это мелкое дело можно закончить и без суетящихся гостей.

Мы попрощались с хозяевами, а как уходит от нас назад платформа Жизни с дорогими людьми я уже рассказывал при описании отъезда из Фрязино...

Без лишних разговоров между седоками внутри салона наша «фрау» вернулась на московскую кольцевую дорогу, потолкалась в её пробках и, чуть не пропустив табличку с непривычной надписью «Н-Новгород», свернула на горьковское шоссе. По плану мы должны были заночевать в Павловском Посаде у моего друга детства Володи Зорина. К девятиэтажному строению, где обитают Зорины, мы подъехали уже в самом конце дня. И я после шести- или семилетнего

перерыва увидел своего самого давнего товарища...

Пожалуй, здесь я опять поэксплуатирую Роберта Пенна Уоррена (или его переводчика В.Голышева) и воспользуюсь очередной цитатой. Читатель простит меня, после посещения Протвино душевных сил во мне почти не осталось.

...Другу Детства суждено быть единственным вашим другом, ибо вас он, в сущности, не видит. Он мысленно видит лицо, давно не существующее... и называет ваше имя...

Вот и я видел не постаревшего уже нигде не работающего военного пенсионера и бывшую учительницу, а шустрого подмосковного паренька, работающего в «непрерывке» помощником мастера на нашей фабрике и в перерывах между сменами посещающего школу, и его подругу Валю из соседней деревни. И, скорее всего, с противоположной стороны, моим друзьям виделся

аналогичный, совсем не нынешний объект. А блестящий автомобиль и его незнакомый хозяин никак не могли быть всему этому помехой.

Как и в былые времена, мы бесцеремонно затащили свои сумки в квартиру. Валя принялась за хлопоты с ужином, а мужчины поехали на охраняемую стоянку, которая расположена совсем рядом у главной площади городка. Сказал бы мне кто-то пятьдесят пять лет тому назад, что площадь эта будет заасфальтирована и подметена, а на немыслимой тогда стоянке будут стоять «Мерседесы» местных богачей. Наша «Ауди» достойно гармонировала с ними, нисколько не выделяясь в «кричащую» сторону.

За поздним ужином В.Л. опять принимал за меня дозы домашней наливки, мы хаотически обсуждали новости из жизни Зориных,

плюсы и минусы создаваемого в Павловском Посаде центра «*Internet*» и множество других тем, которые попадались нам по ходу разговоров. Потом мы уложили профессора спать, а с другом детства отправились погулять под жидковатым дождичком, который воспользовался ночным временем, чтобы оросить жаждущую по весне землю. Я был малость переполнен свалившимися за последние дни впечатлениями и не смог толком поговорить с давним товарищем. Просто мне было хорошо даже в нынешнем неприглядном виде побыть рядом с ним. Ведь какие-то невидимые связи между людьми возможны и без помощи речей...

Наутро опять светило солнышко, мы позавтракали, взяли машину со стоянки, сфотографировались с хозяевами и двинулись на восток.

Именно во время этих процедур и была совершена упомянутая выше «казнь» тёплой куртки – её забыли на чужбине, не подумав о предстоящих в дороге холодных майских ночах. Когда я впоследствии ворочался от неприятной прохлады и напяливал на себя неподходящие для обогрева предметы, кто-

то напоминал мне о вреде торопливости и праве на справедливость даже по отношению к неживым предметам...

Принимаясь за очередную попытку описать свои впечатления о Дороге, я вынужден повторить извинения перед читателем за неспособность к настоящему выполнению этой работы. Во время движения всевозможные картины убегаящей назад Жизни настолько захлёстывают мои каналы восприятия, что, особенно поначалу, ничего, кроме ощущения купания в жаркий день, просто не остаётся. И только спустя некоторое время из этого чистого озера можно черпать отдельные части произошедшего для более подробного рассмотрения. Причём, даже спустя десятилетия после некоторых поездок, я так и не могу отделить целое от его частей.

Вот и теперь мы двигались по горьковскому шоссе, которое проходит прямо по улицам деревень и городков средней России, наблюдали отдельных жителей и целые их скопления при возложении венков к памят-

никам, а также разные приметы перемен последнего времени. В дополнение «внутри меня» проплывали картины пешеходных «прогулок» по этим местам с маманей за хлебом во время войны, находящаяся в стороне могила Гагарина, городки Ковров и Киржач, где обитали дорогие мне люди, а сейчас живут незнакомые их потомки. Наверное, В.Л. видел всё это совсем по-другому, а о невидимых с дороги объектах ему и вовсе ничего не было известно.

С отдалением от столицы поселения встречались всё реже, покрытие дорожного полотна становилось поплоче, хотя и не хуже, чем во времена «социализма». В таком спокойном темпе мы миновали Нижний Новгород, проехав по его окраине, и двинулись в сторону Ульяновска, там предстояло пересечение Великой Реки.

Изобилие мелких предпринимателей, которые бурно осваивают придорожный «бизнес», даёт нынешнему автомобильному путешественнику массу преимуществ. Вы можете не запасаться канистрами и даже выби-

рать заправку с наиболее привлекательными ценами. Через каждые пять километров найдётся незаколоченное частное предприятие питания. Заброшенные и заколоченные, по видимому, принадлежали людям, которые не справились с преимуществами рыночного периода. Да и оставшиеся редко предлагают человеческий сервис. Зато, используя преимущества национального характера, вы всегда можете попросить у Любы или Тамары кипятку для самостоятельного приготовления супа из заграничных кубиков и получить в придачу к неизменным пельменям и шипучей воде всё необходимое оборудование для полноценного обеда. При этом никому в голову не придёт присмотреться к вашим действиям, чтобы впредь обратить этот опыт на пользу мелкого предприятия. Оно так и останется стоять грязной списанной будкой на колёсах, слегка приукрашенной изнутри пластиком и современными броскими наклейками. Как я понимаю, всё это в чём-то похоже на Америку начала века.

В Ульяновск мы въехали уже затемно и при мелком морозящем дожде. Кое-как нашли съезд к большому мосту, выехали из города и направились в сторону Дмитровграда. Пора было искать место для ночлега, задача эта составляет важный элемент науки автобродяжничества.

Поскольку никаких милицейских постов впереди не предвиделось, мы решили заночевать возле какой-нибудь конторы, где есть ночной сторож. Но первая же попытка найти в потёмках такой объект продемонстрировала неправильность нашего плана. Найденное в грязи предприятие никто не охранял, а остовы находящихся за забором брошенных и совершенно негодных к употреблению сельскохозяйственных машин выглядели куда хуже, чем покойники на кладбище. Поэтому мы добрались до ближайшей заправки с ночной столовой и примостились на чистой асфальтированной площадке возле вновь построенного магазина автомобильных аксессуаров. Помывшись и перекусив шикарными московскими продуктами, уставшие путе-

шественники устроились на ночлег. В машине с «анатомическими» сидениями это сделать проще, чем в моей «Оке», а как воспринимал свою постель В.Л. мне неизвестно. За день мы без малого отмахали тысячу километров, так что ни на разговоры, ни на мысленное «подведение итогов» сил у меня не осталось. Я просто провалился в объятия прекрасного дорожного сна. И никакая утренняя прохлада или неудобства лежака не заставят меня переменить приведённые оценки такого времяпровождения.

Утром мы быстренько собрались в дорогу под ворчание В.Л. (который, на самом деле, прекрасно заранее знал, что связался с Ванькой-Встанькой) и помчались на юго-восток для выезда на главную трассу Москва-Челябинск. Попали мы на неё восточнее Тольятти, оставив таким образом позади опасный в смысле встречи с дорожными бандитами район. Зато в дневное время за нас принялись их коллеги в милицейской форме.

Нынешние российские дороги буквально облеплены сотрудниками ГАИ, в количестве, в несколько раз превышающем их численность в «советские» времена. Причём, вместо солидного мудрого старшины на мотоцикле с задубевшей и выгоревшей на солнце физиономией, вы теперь имеете дело с парой щуплых и зачастую производящих впечатление недоразвитых молодых людей в разнопёром обмундировании, которых негодяи из Государственной думы снабдили правом отнимать у водителей практически любые суммы денег. Делается это следующим образом. Используя действительное несовершенство наших дорог, вывешиваются различные ограничительные знаки с избыточными требованиями не обгонять, не двигаться с теоретически разрешённой по правилам скоростью и так далее. И в том месте, где такие требования становятся очевидно идиотскими, в облюбованном скрытом тупичке стоят наши «защитники» с локатором или даже без него. Транзитные водители, даже опытные, кучами попадают на такую

дешёвую мякину, если их вовремя не предупредят встречные коллеги миганием фар. Однако терпение и у разумных людей лопается именно на пустынной дороге без встречного движения. Количество заполняемых в конвейерном режиме протоколов «нарушений» и быстро исчезающих в карманах милиционеров купюр впечатляет непривычного к такому зрелищу человека. Однако никому и в голову не приходит задуматься о влиянии этих поборов на рост ненависти к тупой государственной машине. Что до самой безопасности дорожного движения, то она только страдает от необходимости постоянно выглядывать на дороге затаившихся мздоимцев, вместо того, чтобы не прозевать ямы, ухабы и просто опасного встречного или поперечного источника настоящей опасности.

Мы с В.Л., естественно, не стали исключением из общего правила. Первым «ободрали» на 40 рублей моего приятеля, и единственным утешением нам было то, что следующая остановленная на пустой дороге

машина была тоже «Ауди». Спустя несколько часов меня за точно такое же нарушение наказали уже на 80 рублей, а наш итоговый суммарный счёт за всё путешествие составил 200 рублей, плюс поборы за въезд в отдельные княжества. Об издевательствах на границах непонятно откуда взявшихся «иностранных» государств я расскажу позднее.

Наверно, нужно бросать неисчерпаемую тему обличения милиции и перейти к более приятным обстоятельствам нашего путешествия. Машина наша движется по холмам Башкирии, и наступает обеденное время. Когда мы увидели возле дороги заправку с кафе, изготовленную по иноземному проекту, в обоих путешественниках сработало чувство контраста со вчерашним грязным фургоном, и было принято решение воспользоваться благами прозападной цивилизации.

Несмотря на чистоту и блестящие никелированные штуковины, ассортимент предлагаемых блюд в харчевне оказался не совсем

соответствующим желаемому уровню (о ценах я не стану вспоминать), однако мы сделали заказ на сам обед и на междугородный телефонный разговор с Новосибирском, принялись приводить себя в порядок, а также пополнять всяческие запасы. В частности, В.Л. взялся наполнить пластмассовые бутылки водой для умывания и прочих технических надобностей. Но такого простого устройства как водопроводный кран в западном заведении не было предусмотрено. Увидев, что В.Л. движется с бутылками вокруг здания кафе, я отправился к нему на помощь. Потом меня обогнала местная собака, которая заинтересовалась суетными движениями незнакомых людей. Я ещё хотел по неосторожной привычке поговорить с ней, но буквально через доли секунды мне пришлось наблюдать впечатляющее антраша приятеля, которого коварное животное цапнуло за ногу, ни слова не сказав ни до, ни после этого. Пришлось нам заняться перевязкой, а после консилиума, в котором участвовали официантки и дежурный милицио-

нер, мы вместо обеда отправились в ближайший городок в больницу, всё-таки нога была прокушена до крови.

В больнице моему товарищу вместо помощи прочли лекцию о подробностях борьбы с укусами бешеных собак. В частности, было предложено установить наблюдение за нашкодившим животным в течение 10 дней. Но оно (животное) сразу же после инцидента удрало с территории заправки, не оставив нам своего имени и адреса. Поэтому мы решили продолжать движение на восток, а полученные от местных эскулапов сведения потом передать их коллегам в Академгородке. В.Л. был мрачнее тучи. Так или иначе, мы вернулись в кафе, съели обед (этим делом занимался, в основном, я), сообщили о своём местонахождении в Новосибирск и продолжили движение, изредка прерываемое уплатой очередных штрафов.

Наконец холмы понемногу стали увеличивать свои размеры и плавно перешли в южные отроги Уральских гор. Эта часть дороги, соединяющая европейскую и азиатскую час-

ти России, — одна из самых живописных и любимых мною. Шоссе здесь проложено в стороне от населённых пунктов, и раньше на нём почти не было видно людей. Но теперь на каждом перекрёстке громоздились барахолки с совершенно немыслимым в западной части страны товаром.

Сейчас, когда я пишу этот текст, после нашей поездки прошло около месяца, но, вспоминая об увиденном, я неизменно теряю равновесие.

Это были страшные барахолки.

Выставленные на них за бесценок и в пугающем разнообразии предметы были продукцией «завалившихся» наших военных заводов. Но только не подумайте, что на этих предприятиях действительно произошла настоящая конверсия былого производства. Как в дурном сне, новые хозяева и подчинённые им конструкторы, технологи и рабочие принялись изготавливать муляжи стреляющих устройств – всякие ружья и пистолеты, выпускающие шарики, пульки, шпильки и тому подобное. Я плохо представляю себе человека, а, тем более, – множество людей, которым могут понадобиться такие вещи (с заусенцами от штамповки, совсем как на ППШ военного выпуска). И подтверждением этому был состав продавцов (в подавляющей части – молодые люди совсем не «торгового» вида), а также уже упомянутые «смешные» цены. В стороне от своего дома торговали сами работники уральских заводов, которым всё это барахло выдавали вместо полочки. Редкие теперь водители, путешествующие без коммерческих целей,

ещё разглядывали складные тяжёлые велосипеды и цветастые капроновые тросы. К прилавкам с ружьями и пистолетами при нас никто не подходил.

И симпатичный парень напрасно тратил красноречие, объясняя мне пользу запасной пружины для пневматической винтовки.

В «советские» времена, путешествуя по Уралу, мы не раз видели сцены привоза хлеба в местные магазины. Делали это здесь один раз в день, и долгожданную продуктовую машину ожидали огромные очереди. Как во время войны. А сейчас у меня не повернулся язык спросить местных людей насчёт доставки хлеба в «рыночных» условиях. Опять же, и на покупку хлеба нужны кое-какие деньги...

Невесёлые сцены этого дня завершила встреча с нашими бывшими соотечественниками при проезде Челябинска. Объездной дороги вокруг большого города нет, и транзитные машины плутают по его самым плохим окраинным улицам, следуя невнятным дорожным указателям. Совершить все по-

ложенные манёвры без ошибок, особенно проезжая город в первый раз, очень трудно. Вот и теперь мы обогнали два или три каравана «Мерседесов» с немецкими номерами и с полными наборами пассажиров, водители которых дисциплинированно расспрашивали прохожих о дороге. Это наши алтайские немцы тянулись к родным местам в отпуск. Я невольно сравнивал эти, внешне совсем благополучные («круглые») «Мерседесы» с увиденным четыре года назад также переполненным одиноким драным немецким автомобилем. Он полз вместе с нами по липкой грязи отечественной псевдодороги, постоянно цепляясь за неё днищем. Но упорно двигался на восток к бывшей родине своих седоков.

Пусть читатель самостоятельно домыслит всё остальное к этим сценам, а я спокойно писать о них не могу...

Последнюю ночь нашего похода мы также провели на большой автозаправке с ночным кафе на полпути между Челябинском и Кур-

ганом. На завтра был святой день 9 мая. Все навалившееся на меня дорожные впечатления вместе с размышлениями о наступающем дне памяти не сразу отпустили душу в объятия сна. И проснулся я первым, ещё затемно, при звёздах на безоблачном небе. В.Л. снова поворчал на беспокойного спутника, но за долгое время знакомства он уже заранее знал про ранний подъём, тем более, что до дома оставалось «всего» 1600 километров. Не сговариваясь, мы решили преодолеть их за один день. При двух водителях да на такой машине это не ахти какой подвиг. Но предстоящие переезды границ с Казахстаном да ещё разговоры о свирепствующих здесь дорожных бандитах (вполне реальные и подкреплённые живыми прошлогодними примерами) внушали обоим нам известную тревогу. Поэтому, не дожидаясь полного рассвета, мы тронулись в путь. «Ауди» почувствовала наше настроение и с удвоенным старанием принялась наматывать на свои широкие шины дорогу. Областной город Курган находится в сторо-

не от неё, и спустя положенное время мы впервые принялись за таможенные процедуры посередине России. Нам предстояло пересечь необозначенные границы с Казахстаном четыре раза: на основной дороге в районе Петропавловской области и после Омска, так как прямое шоссе вдоль транссибирской магистрали не достроено, и для проезда в Новосибирск через Карасук нужно делать двухсоткилометровый крюк, опять по казахской территории.

Никаких денежным поборов при проезде всех восьми таможен оплачивать нам не пришлось, всё свелось только к мелким дополнительным унижениям. Хотя другим водителям на наших глазах опереточные таможенники и милиционеры изрядно портили настроение. Особенно это касается водителей грузовиков, за них блюстители суверенитетов цеплялись как клещи.

Однако лучше меня знающий современную жизнь В.Л. освоился с прохождением многочисленных процедур проверки, и к концу дня мы тратили на них минимально возмож-

ное время. К этим межгосударственным мероприятиям в Омске добавилась проверка нашего автомобиля в компьютерной базе угнанных машин. Но мы и её прошли благополучно.

На последней казахской территории остался небольшой участок разбитой грунтовой дороги, а на въезде в Новосибирскую область начался великолепный асфальт и свежие дорожные указатели. Пройдя в Карасуке восьмой по счёту таможенный досмотр, мы помчались в сторону Академгородка. Я передал руль В.Л. и попросил его разбудить меня при въезде в Ордынское, по сообщениям нашего радио там недавно выловили банду убийц водителей во главе с капитаном милиции. Немного понаблюдав за впечатляющими рядами безлистных берёз возле дороги, я задремал, чтобы накопить силы для достойного завершения поездки. Но и после Ордынского никто на нас нападать не собирался. Очевидно сработал подмеченный ещё Высоцким закон:

*Это был воскресный день,
И я не лазил по карманам.*

Тем более, что заканчивался не простой выходной, а День Победы.

При подъезде к Новосибирску был хорошо виден салют, которым страна отмечала жизни, отданные в первой половине века за само её существование.

А спустя час мы уже встречались со своими домочадцами...

Почти сразу после этой встречи и возвращения к привычной жизни огромная, непонятно за какие грехи униженная родная страна стала плавно отходить назад и погружаться в дымку моего Времени. Обозримая её часть опять сократилась до размеров нашего Академгородка и комнаты в бетонном доме с экраном компьютера.

При первой же возможности я устроился возле него на своём привычном месте, чтобы начать записывать всё то, о чём шла речь выше.

*© Владимир Вениаминович Брыскин.
Издание автора. Новосибирск. 1998
E-mail: brys@math.nsc.ru
<http://www.math.nsc.ru/LBRT/k5/brys.html>*